Хуа Цяньгу видела много призраков, но какими бы окровавленными и пугающими они ни были, их появление не могло сравниться с той сценой, что предстала перед ее глазами.

Тысячи человеческих языков всех форм и размеров свисали с потолка на красных нитях. Некоторые из них были темными, другие - светлыми, некоторые – черными и сухими, как давно увядшие цветы, а некоторые имели ярко-красный налет. Кончики языков слегка дрожали, словно отчаянно сопротивляясь, не желая висеть на красных нитях. К горлу Хуа Цяньгу подступила тошнота, и она ощутила, словно по всему ее телу ползают миллионы муравьев. Она поспешно развернулась и побежала, но, наткнувшись на кого-то, испуганно вскрикнула.

Она была так напугана, что ее душа едва не покинула тело; ведь она ведать не ведала, было ли существо перед ней человеком или призраком. Он был одет в большой черный плащ, похожий на крылья летучей мыши со странными темными треугольными узорами на нем. Но больше всего поражала маска, под которой скрывалось его лицо - чрезвычайно свирепая и зловещая - с выпученными глазами и длинным языком, пробитым множеством гвоздей.

- О, Амитабха, прошу, не ешь меня, не надо… - Хуа Цяньгу кланялась снова и снова. Она вспомнила, как деревенский старик-сказитель рассказывал историю о восемнадцати уровнях ада. Один из уровней назывался Адом Наказания Языков, где у бедных душ вырывали языки, а местные призраки лакомились ими.

Сам Будда говорил: «Язык, который любит клеветать на людей, грязный рот, говорящий скабрезности, напрасно обвиняющий, сквернословящий и болтающий попусту, попирающий священные писания, попадет в этот ад».

В адском узилище демонический прислужник отрезает человеку язык раскаленным железным крюком или захватывает его железными клещами и медленно вытягивает вместо того, чтобы вытащить сразу. Затем опять же раскаленным докрасна железным острием прокалывает горло человека, заставляя заключенного терпеть крайние пытки. Грешники, потерявшие способность говорить, терпят вдобавок страшные муки миллионы и миллионы лет. И даже если перевоплощаются, часто остаются безмолвными и немыми.

У-у-у... Неужели я попала в Ад Наказания Языков?

- Зачем мне тебя есть?

Внезапно она услышала резкий странный голос, не похожий на человеческий. Хуа Цяньгу осела на пол, с ног до головы покрывшись мурашками. Она увидела, как этот то ли человек, то ли демон склонил голову и приблизился к ее шее, а затем глубоко вздохнул, и из его горла вырвался хрюкающий звук, как будто он почувствовал запах чего-то очень вкусного.

- Я не вкусная! Я грязная и вонючая, пожалуйста, не ешьте меня! Я уже несколько дней не мылась!

Хуа Цяньгу отклонилась в сторону и попыталась улизнуть, но он преградил ей путь.

- Ты прорвалась через магическую ловушку и открыла самый большой секрет храма Истлевших Чудес, как ты думаешь, сможешь ты легко уйти?

Хуа Цяньгу хотелось плакать. Ей просто не повезло - кто в здравом уме вообще бы захотел увидеть ужасающую сцену с подвешенными человеческими языками! Она сделала два шага назад, и когда тусклый солнечный свет упал на стены, она посмотрела вниз и увидела тень человека перед собой. Слава Богу, слава Богу, это не призрак, не призрак.

- Я не это имела в виду. Обещаю, что ничего не скажу. Я очень забывчива, я все забуду, как только выйду отсюда! Вы должны мне поверить!

- О? Почему я должен тебе верить? Что ты можешь мне предложить, чтобы я тебе поверил?

- Я… я… я обещаю! Если я нарушу свое обещание, умереть мне страшной смертью!

Человек, стоявший перед ней, внезапно достал нож и приблизил к ее лицу.

- Ай! Вы хотите убить меня, чтобы заставить замолчать?

- Оставь после себя каплю своей крови.

- А? Оставить что?

- Оставь после себя каплю своей крови.

- Всего одну каплю? Проще простого, - Хуа Цяньгу стиснула зубы, решительно уколола указательный палец и выдавила каплю крови. Она упала во что-то блестящее, что он держал.

- Теперь я могу уйти, верно? – над головой у нее висели человеческие языки, перед ней возвышался страшный незнакомец, всё это было слишком ужасно.

- Разве ты пришла сюда не для того, чтобы что-то спросить? Ты ничего не спросила, но уже хочешь уйти?

Хуа Цяньгу была ошеломлена:

- Вы настоятель храма Истлевших Чудес?

- Да.

Хуа Цяньгу никогда не думала, что легендарный настоятель храма Истлевших Чудес будет выглядеть так, но испуг чуть-чуть отпустил ее.

Внезапно почувствовав любопытство, она не удержалась и спросила: «Это вы любите редиску?» Человек сухо кашлянул два раза, и Хуа Цяньгу почувствовала, что под маской он смеется.

- Это то, о чем ты хотела меня спросить?

- Нет-нет, есть кое-что поважнее. Мне нужно подняться на гору Мао, чтобы обучаться у тамошнего учителя, но я не сумела отыскать путь. Знаете ли вы способ сделать это?

Настоятель храма Истлевших Чудес на мгновение задумался.

- Мне нужно заплатить за ответ? Хотите еще крови? У меня ее много! - Хуа Цяньгу мужественно закатала рукава.

- Всё очень просто, не нужно платить кровью. Тебе нужно лишь сказать мне, когда и где ты родилась, чем больше подробностей, тем лучше.

Хуа Цяньгу недоуменно нахмурилась: неужели он проверяет ее происхождение? Он ведь не собирается использовать на ней колдовство, верно? Дать ему знать - это нормально? В конце концов, она решила ответить честно.

Выслушав ее, настоятель храма Истлевших Чудес кивнул и вложил ей в руки ожерелье с кулоном, прозрачным, как роса. Хуа Цяньгу внимательно рассмотрела блестящий камешек, напоминающий слезинку. Внутри кулона, похожего на закрытый цветок, мелькнуло ярко-красное пятнышко. Неужели это та самая капля крови, от которой она только что отказалась?

- Это?..

- Это Капля Небесной Влаги, сделанная из слез Феникса. Если ты ее наденешь, то сможешь подняться на гору Мао.

- Действительно? Неужели все так просто? Как хорошо! Спасибо!

- Не надо меня благодарить, так и должно быть. В этом мире ничего не достается бесплатно. Редиска - плата за то, что ты меня увидела. Если ты хочешь что-то узнать у меня, будь то информация или способ решить проблему, ты должна заплатить цену в зависимости от ее ценности. Ты заплатила мне, я дал тебе ответ, разве это не справедливо?

- М-м-м, значит ли это, что я могу спрашивать все, что захочу? Тогда скажите мне, смогу ли я найти наставника, который примет меня в ученики, и как долго я буду жить?

- Я не гадалка, твое будущее в твоих руках. Я не так всемогущ, как обо мне говорят. Я знаю только то, что происходило во времена каждой из династий, а также бесчисленные вещи, погребенные пылью времени, но я не в состоянии понять, что на уме у людей.

- О... но откуда вы так много знаете?

- Ты видишь висящие здесь языки? - настоятель храма Истлевших Чудес указал вверх, и Хуа Цяньгу тут же склонила голову, боясь поднять глаза.

- Мое любимое занятие - собирать чужие языки.

Хуа Цяньгу побледнела.

- Некоторые были принесены сюда моими предшественниками, некоторые недавно добыл я. Они принадлежат как мужчинам, так и женщинам и детям, даже императорам и нищим... Какие тебе больше нравятся?

Хуа Цяньгу закусила губу и покачала головой.

- А ты знаешь? В этом мире есть тысячи и тысячи существ, летающих в небе или бегающих по земле, но нет ни одного без языка. Тем не менее, самая важная причина существования языка - это не способность ощущать вкус, а способность говорить. Всё, что ты желаешь знать, тебе скажут языки. Чем больше языков ты соберешь, тем больше узнаешь. Иначе как храм Истлевших Чудес мог бы знать всё обо всём и обо всех, и иметь самую большую, самую секретную разведывательную сеть в мире? Дело в том, что мы собираем языки отовсюду.

- Эти языки могут говорить? - Хуа Цяньгу задрожала.

- Конечно, эти языки даже петь могут. Иди сюда, я скажу этому языку, чтобы он спел для тебя...

Хуа Цяньгу увидела, что язык начал двигаться, и в тревоге отступила назад.

- Не надо, не надо!

- Эти языки очень послушны, но всё же за ними необходим уход: иногда их нужно поливать и дать подпитаться солнечным светом, - голос настоятеля храма Истлевших Чудес смягчился, как будто он с любовью говорил о своих детях.

Хуа Цяньгу нервно сглотнула.

- Они знают ответ на любой вопрос?

- Если речь о том, что они видели или испытали при жизни, они дадут ответ. Если они затрудняются ответить, они обсудят вопрос между собой, чтобы найти лучший ответ.

Хуа Цяньгу не могла представить себе тысячи и тысячи языков, говорящих друг с другом, это было слишком ужасно.

- Где вы нашли столько языков?

- Некоторые были вырезаны у мертвых людей, некоторые принадлежали людям, которые приходили в храм Истлевших Чудес, чтобы что-то спросить, и платой за ответ был их язык. Когда они находятся на пороге смерти, кто-то из храма Истлевших Чудес появляется прежде, чем они сделают свой последний вздох, чтобы отрезать им язык.

- Но ведь это очень больно? Почему бы не подождать, пока они не умрут?

- Есть разница между языками живых и мертвых. Языку мертвеца ты можешь задать только один вопрос, он ответит раз и засохнет. Языки, отрезанные у живых людей, пока ты старательно поливаешь их водой, могут пролить свет на многие вещи. Конечно, каждый раз можно задать только один вопрос: после того как языки скажут все, что знают, они истлеют. Посмотри на эти языки, некоторые еще свежие – их только что отрезали, другие - темные – использовались часто, и их время подходит к концу.

- Это, это... - Хуа Цяньгу не знала, хотела ли она сказать, что это звучит ужасно или удивительно.

- А ты знаешь, почему все в мире боятся храма Истлевших Чудес?

- По…почему?

- Потому что они боятся, что храм Истлевших Чудес отрезал языки близким им людям или людям, которые знали их секреты. Вот почему в течение долгого времени в королевском дворце и на территории разных школ отрезают языки, прежде чем хоронить мертвых, или прибивают их гвоздями, чтобы те не были в состоянии поведать ни единой тайны.

- Но вы можете схватить человека, который еще жив и знает секреты, и отрезать ему язык.

- Проблема в том, что так ты не будешь уверен в полученной информации. Языки живых людей обладают собственной волей, и с ними труднее иметь дело, чем с языками мертвых. Вот почему

необходимо составить контракт, и человек должен добровольно отдать свой язык храму Истлевших Чудес перед смертью.

- Какой ужас… Слава Всевышнему… - ведь иначе храм Истлевших Чудес точно отрезал бы языки всем подряд.

- Будь хорошей девочкой, высунь язык, - внезапно сказал настоятель храма Истлевших Чудес, и его голос заставил девочку покрыться холодным потом.

- А зачем? - Хуа Цяньгу высунула язык, но быстро убрала его, опасаясь, что его могут отрезать.

- Ох, цвет совсем недурен. Не желаешь ли ты заключить контракт с храмом Истлевших Чудес? Тогда я отвечу на любой твой вопрос.

- Никогда! - Хуа Цяньгу немедленно отказалась.

- Может быть, когда-нибудь тебе придётся умолять меня.

- Никогда! Кто захочет, чтобы ему отрезали язык? У каждого есть и всегда будут свои секреты. Вы не бог и не можете знать всего, иначе бы спокойно повелевали судьбами людей.

- Ха-ха, малышка, ты такая милая, но твой язычок еще симпатичнее.

Хуа Цяньгу прикрыла рот рукой, спрятав свой драгоценный язык.

- Но… - настоятель храма Истлевших Чудес внезапно наклонился и, глядя на девочку в половину меньше его ростом, загадочно улыбнулся и тихонько прошептал ей на ухо: - Если мой язык коснется чужого языка, язык этого человека будет под моим контролем в течение времени, за которое сгорает ароматическая палочка.

Хуа Цяньгу почувствовала, как по всему телу побежали мурашки, и сделала два шага назад: «Почему я должна позволить вашему языку касаться моего? Теперь я могу уйти? Мне нужно подняться на гору Мао, чтобы найти учителя».

- Конечно, но ты всегда можешь сюда вернуться! – с долей цинизма бросил настоятель храма Истлевших Чудес, сделав руками приглашающий жест.

Хуа Цяньгу не осмелилась оглянуться на комнату с человеческими языками, висящими повсюду, и быстро выбежала наружу. Она сделала два шага, прежде чем вернулась, вспомнив, что не знает, как отсюда выбраться.

- Прощу прощения, но как мне найти дорогу назад?

- Всегда сворачивай налево, и через несколько развилок наткнешься на выход.

- Ох, спасибо.

- Хорошо, я неохотно приму это «спасибо» в качестве платы за то, что ты спросила дорогу.

Хуа Цяньгу потеряла дар речи. Ну что за расчетливый человек!

Настоятель храма Истлевших Чудес стоял у перил, наблюдая, как исчезает маленькая детская фигурка. Он достал редиску и откусил от нее. Действительно очень сладкая!

Рука, державшая редиску, была тонкой и белой, как нефрит.

http://tl.rulate.ru/book/26661/1273938